

С Е Р И Я

Т Е О Р И Я

И П Р А К Т И К А

О Б Р А З О В А Н И Я

The UNIVERSITY
in RUINS

BILL READINGS

Harvard University Press

CAMBRIDGE, MASSACHUSETTS *and*
LONDON, ENGLAND

УНИВЕРСИТЕТ В РУИНАХ

БИЛЛ РИДИНГС

Перевод с английского
АНДРЕЯ КОРБУТА

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2010

УДК 378.1

ББК 74.58

P49

Составитель серии и научный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

- P49 **Ридингс, Б.**
Университет в руинах [Текст] / пер. с англ. А. М. Корбута; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 304 с. — (Теория и практика образования). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0716-2 (в пер.).

Получившая мировую известность книга молодого канадского исследователя Билла Ридингса (1960–1994), законченная им незадолго до смерти, представляет собой попытку критического философского осмысления истории университета в западном мире и его роли в современную эпоху. Идея университета прошла большой исторический путь: от идеи разума (у Канта) через идею культуры (у немецких идеалистов) и до нынешней идеи совершенства или качества. Но сегодня университет оказался «в руинах», поскольку ни одна из исторических идей не может служить фундаментом его существования.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 378.01

ББК 74.58

ISBN 978-5-7598-0716-2 (рус.)

ISBN 0-674-92952-7 (англ.)

Copyright © 1996 by the Estate
of Bill Readings

All rights reserved.

© Перевод на рус. яз., оформление.

Издательский дом Государственного
университета — Высшей школы
экономики, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
БЛАГОДАРНОСТИ	7
I. ВВЕДЕНИЕ	9
II. ИДЕЯ СОВЕРШЕНСТВА	39
III. УПАДОК НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	74
IV. УНИВЕРСИТЕТ В ГРАНИЦАХ РАЗУМА	90
V. УНИВЕРСИТЕТ И ИДЕЯ КУЛЬТУРЫ ...	103
VI. ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА	115
VII. КУЛЬТУРНЫЕ ВОЙНЫ И КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	143
VIII. ПОСТИСТОРИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ	190
IX. ВРЕМЯ УЧЕБЫ: 1968 г.	212
X. СЦЕНА ПРЕПОДАВАНИЯ	236
XI. ОБИТАНИЕ НА РУИНАХ	262
XII. ДИССЕНСУСНОЕ СООБЩЕСТВО	282

ПРЕДИСЛОВИЕ

Билл Ридингс вносил в эту книгу последние правки, когда 31 октября 1994 г. катастрофа рейса 4184 авиакомпании «Американ Игл» оборвала его жизнь. Я закончила корректуру, над которой работал Билл, взяв за основу его записи и наши многочисленные беседы.

Когда-то взаимное редактирование было для нас с Биллом лишь рядовым занятием. Тогда это не казалось чем-то экстраординарным и нуждающимся в обсуждении, чем-то таким, что может, как сейчас, указывать на грань между жизнью и смертью. С помощью правок и разговоров — со мной, с друзьями и коллегами, студентами — Билл пытался создавать возможности для совместного мышления.

Если бы я и могла рассказать что-нибудь о том, как возникала эта книга, как Билл представлял себе ее дальнейшую судьбу, то я бы остановилась на тех многочисленных разговорах, которые повлияли на нее, и на еще более многочисленных дискуссиях, которые, как он надеялся, она вызовет. Для Билла обитание на руинах Университета не было чем-то безмолвным. Речь — вызывающая согласие или несогласие, серьезная или веселая — была сутью его работы и мышления и желанным будущим для Университета.

Сказать, что с Биллом нельзя будет больше поговорить, — значит признать невыносимую окончательность его смерти, а назвать речь самой тканью данной книги — значит, возможно, сделать шаг к признанию уникальности голоса, места и времени, которая не могла бы сложиться нигде, кроме Университета.

*Дайан Илэм
Монреаль, 1995*

БЛАГОДАРНОСТИ

Вот почему трудное это дело быть
добропорядочным [excellent], ведь
найти середину в каждом отдельном
случае — дело трудное...

Аристотель, *Никомахова этика*

Написание данной книги стало возможным прежде всего благодаря грантам Québec Fonds pour la Formation de Chercheurs et l'Aide à la Recherche¹ и Канадского совета по исследованиям в области социальных и гуманитарных наук. Помимо обеспечения инфраструктурной поддержки эти гранты позволили мне присоединиться к другим членам — студентам и преподавателям — исследовательской команды проекта «L'Université et la Culture: La Crise Identitaire d'une Institution»² в Университете Монреаля, а также предоставили бесценную возможность общаться с докладчиками, приглашавшимися группой. Основные идеи книги были сформулированы в ходе руководства полидисциплинарным семинаром по теме «La Culture et ses Institutions»³ в Университете Монреаля, поэтому я благодарен студентам, работникам факультета и членам университетского сообщества, принимавшим в нем участие. Мое стойкое ощущение актуальности вопроса об Университете как институте культуры имеет еще более давние истоки: впервые оно зародилось после многочисленных споров с бывшими коллегами по Университету Женевы и Сиракузскому университету. Приглашение, полученное мной от аспирантов факультета английской и сравнительной литературы Университета штата Нью-Йорк в Буффало, впервые заставило меня осознать, что у меня есть желание по-

¹ Квебекский фонд подготовки ученых и содействия научным исследованиям (фр.). — *Примеч. перев.*

² Университет и культура: кризис институциональной идентичности (фр.). — *Примеч. перев.*

³ «Культура и ее институты» (фр.). — *Примеч. перев.*

делиться некоторыми мыслями по данной теме. Дальнейшие продуктивные возможности проверить свой основной аргумент предоставили конференции в Университете Западного Онтарио, Университете штата Нью-Йорк в Стонибруке, Центре изучения трансформаций в области литературы и культуры при Университете Вирджинии, в Трентском университете, Калифорнийском университете в Ирвайне и Сан-Диего, Уэльском университете в Кардиффе, Университете Стирлинга и Университете Женевы. Наконец, я хочу поблагодарить Жюли Дюпуи и Шона Сперви за составление указателя.

Первоначальные версии отдельных глав книги были опубликованы в следующих журналах, давших разрешение на их перепечатку: «Privatizing Culture» (Angelaki. 1995. No. 2); «The University without Culture» (New Literary History. 1995. Vol. 26. No. 3); «Dwelling in the Ruins» (Oxford Literary Review. 1995. Vol. 17. No. 1–2); «For a Heteronomous Cultural Politics» (Oxford Literary Review. 1993. Vol. 15. No. 1–2); «Be Excellent: The Posthistorical University» (Alphabet City. 1993. Vol. 3); «Identity Crisis: The University and Culture» (Association of Canadian College and University Teachers of English Newsletter. 1993. June).

Я не стал перечислять имена всех, кто повлиял на данную книгу, поскольку их чрезвычайно много и к тому же я сомневаюсь, не окажу ли им тем самым медвежью услугу. Однако я рискну упомянуть имя одного человека, который первым заставил меня осознать, что Университет мог бы быть местом мышления: Энн Вордсворт. Она обучала меня тому, что в Оксфорде называют критической теорией, и, работая по краткосрочному договору, проводила свои занятия в домике, расположенном в саду одного из кирпичных особняков Северного Оксфорда. Я посвящаю эту книгу ей.

Билл Ридингс

I. Введение

Повсюду сетуют на «предательство» и «банкротство» проекта либерального образования¹. Преподавание, говорят нам, ставится ниже исследования, а исследование все меньше соответствует требованиям реального мира или уровню понимания «среднего читателя». И это не просто — как, похоже, убеждены некоторые профессора — ворчание бульварных журналистов, обиженных на то, что их не пускают в священные рощи академии. Не имея ни малейшего шанса попасть в факультетский комитет по замещению должностей, эти властители умов, гласит молва, просто вымещают на Университете свое разочарование, довольствуясь лишь огромным жалованьем и комфортными условиями труда. Однако причиной язвительных выпадов СМИ против Университета являются не индивидуальные обиды, а более общая неопределенность в отношении роли Университета и сущности стандартов, в соответствии с которыми его следует оценивать как институт. Не случайно в Северной Америке такого рода нападки усиливаются одновременно с изменением структуры академических институтов.

Дело не только в том, что профессорский корпус пролетаризируется, а количество кратковременных контрактов или контрактов с неполной нагрузкой в

¹ Одна из последних типичных публикаций озаглавлена «Банкротство образования: закат либерального образования в Канаде». Авторы книги, эпиграф к которой взят из Мэтью Арнольда, жестко критикуют канадскую систему среднего образования за отказ от «уникальной смеси англо-европейских влияний, включающих гегельянство и шотландскую философию здравого смысла», смеси, которая, по их словам, до сих пор отличала теорию и практику канадского образования. См.: *Emberley P.C., Newell W.R. Bankrupt Education: The Decline of Liberal Education in Canada.* Toronto: University of Toronto Press, 1994. P. 11.

ведущих вузах растет (с одновременным обособлением горстки высокооплачиваемых «звезд»)². Столь же неопределенным является и производство знания в Университете. Например, внутренняя борьба за легитимацию, связанная с характером производимого в гуманитарных науках знания, не достигла бы масштабов кризиса, если бы не сопровождалась внешним кризисом легитимации. Споры, ведущиеся внутри отдельных дисциплин относительно методов и теорий исследования, не попали бы в заголовки, если бы сегодня само понятие исследовательского проекта не оказалось проблематичным. Поэтому замысел настоящей книги состоит не в том, чтобы заставить Университет признать неминуемое отмирание старых парадигм исследования и преподавания вследствие новых теоретических открытий в физике элементарных частиц или литературоведении. В то же время эта книга не является и еще одной попыткой описать сеть конфликтующих и зачастую противоречивых переживаний, окружающих сегодня Университет. Скорее

² В качестве примера можно привести недавние события в Колледже Беннингтона, в котором «академическая реструктуризация» привела к незамедлительному увольнению 20 из 78 преподавателей. На их место планируется взять местных почасовиков, которые будут прикреплены к упрощенному «базовому факультету», состоящему из штатных профессоров. «Региональные музыканты», например, будут преподавать курсы инструментальной музыки. Кроме того, у новых работников не будет фиксированных сроков занятия должностей; «вместо этого профессора будут работать по индивидуальным контрактам разной продолжительности» (*Magner D.K. Bennington Dismisses 20 Professors... // Chronicle of Higher Education. 1994. June 29. P. A16*). **Как бы это ни называлось — сдельным трудом или нештатной работой,** — общий смысл ясен: штатные сотрудники будут все больше вытесняться почасовиками. Можно ожидать, что в более крупных исследовательских университетах США число таких почасовиков будет только увеличиваться, поскольку коллапс рынка труда вынуждает заменять аспирантов, работавших ассистентами преподавателей в рамках старой модели обучения, почасовиками (многие из которых имеют докторские степени).

я хочу провести структурную диагностику современных трансформаций институциональной функции Университета, чтобы показать происходящее на наших глазах размывание широкой социальной роли Университета как института. Больше уже не понятно, ни каково место Университета в обществе, ни какова истинная природа данного общества, и интеллектуалы не могут позволить себе игнорировать это изменение институциональной формы Университета.

Но сначала несколько предостережений. В настоящей книге я буду обсуждать исключительно западное представление об Университете, которое получило широкое распространение и современная мутация которого, похоже, продолжает определять параметры транснациональной дискуссии. Если при этом я уделяю особое внимание изменениям, происходящим сейчас в североамериканском Университете, то лишь потому, что процесс американизации нельзя понимать как простое расширение культурной гегемонии США. Я покажу, что «американизация» в ее нынешней форме является, по сути, синонимом глобализации, демонстрирующим, что глобализация — не нейтральный процесс, в котором на равных участвуют Вашингтон и Дакар. Обратной стороной этого является то, что в настоящее время Соединенные Штаты и Канада сами страдают от процесса поглощения транснациональным капиталом, называемого глобализацией. Это наглядно показано в документальном фильме «Роджер и я», рассказывающем о городке Флинт в штате Мичиган. Режиссер фильма, Майкл Мур, прослеживает полное обнищание некогда богатого Флинта в результате перетекания капитала в более рентабельные регионы — несмотря на то, что компания «Дженерал Моторс» находилась в относительно хорошем экономическом состоянии на момент закрытия завода. Последующее разорение Флинта (после безуспешных попыток превратить его в туристический объект за счет открытия тематического парка «Автомир») означает, что сегодня большинство новых рабочих мест — это

низкооплачиваемые места в индустрии услуг. Американизацией теперь следует называть не столько практику национального империализма, сколько повсеместное навязывание правила денежных отношений вместо идеи национальной идентичности в качестве детерминанты всех аспектов инвестирования в общественную жизнь. Иными словами, американизация означает конец национальной культуры.

Нынешнее изменение роли Университета обусловлено прежде всего крахом национально-культурной миссии, которая раньше обеспечивала его *raison d'être*³, и я покажу, что перспектива Европейского союза сулит такую же судьбу университетам не только в государствах ЕС, но и странах Восточной Европы, где различные проекты (вроде инициативы Джорджа Сороса) закладывают основания для аналогичного отделения Университета от идеи национального государства⁴. Словом, Университет становится институтом иного типа; он больше не связан с судьбой национального государства, так как перестает выступать в роли творца, защитника и распространителя идеи национальной культуры. Во всех уголках мира процесс экономической глобализации ведет к относительному упадку национального государства в качестве первичной инстанции воспроизводства капитала. Университет в свою очередь становится транснациональной бюрократической корпорацией, либо связанной с транснациональными инстанциями управления, такими как Европейский союз, либо функционирующей независимо по аналогии с транснациональной компанией. Недавно изданная ЮНЕСКО книга Альфонсо Борреро Кабаль «Университет как институт сегодня» прекрасно иллюстрирует те условия, в которых может происходить обретение статуса бюрократической корпорации⁵. Борреро Кабаль

³ Смысл существования (фр.). — Примеч. перев.

⁴ Неплохой общий обзор проекта Сороса содержится в: *Gessen M. Reaching to the Critical Masses // Lingua Franca. 1994. Vol. 4. No. 4. May/June. P. 38–49.*

⁵ *Cabal A.B. The University as an Institution Today. P.; Ottawa: UNESCO and IDRC, 1993.*

рассматривает в качестве центральной фигуры Университета *администратора*, а не преподавателя и осмысливает задачи Университета исходя из обобщенной логики «учета», согласно которой Университет должен стремиться к совершенству во всех аспектах своей деятельности. Текущий кризис Университета на Западе является следствием фундаментального изменения его социальной роли и внутренних систем, предполагающего утрату традиционными гуманитарными дисциплинами центрального места в жизни Университета.

Ставя столь широкомасштабный диагноз, я, конечно же, не учитываю процесс неравномерного и многостороннего развития, разную скорость, с которой дискурс совершенства вытесняет идеологию (национальной) культуры в различных институтах и странах. Например, Британская консервативная партия пытается сейчас внедрить единую форму «общенационального учебного плана», что можно понимать как шаг в направлении, противоположном тому, на которое указывают мои размышления о национальном государстве. Однако на самом деле предлагаемые в Британии образовательные «реформы» не опровергают точку зрения, которую я собираюсь отстаивать. Настоящая книга посвящена вопросу отделения *высшего* образования от национального государства, а указанный шаг будет, вероятно, лишь акцентировать структурные различия между средним образованием и университетами, особенно в том, что касается их связи с государством. Кроме того, тот факт, что столь старинное учебное заведение, как Новый колледж Оксфорда, начало включать слова о приверженности совершенству во все свои публичные высказывания, в том числе объявления о найме, кажется мне более показательным для долгосрочных тенденций в области высшего образования.

Помимо американизации, ослабляющей прямые связи Университета с национальным государством, в книге приоритетное внимание будет уделено гуманитарным наукам, позволяющим понять, что происходит в современном Университете. Такой акцент

требует нескольких предварительных слов в свое оправдание. Поскольку я решил сосредоточиться на понятии «культура», может сложиться впечатление, что гуманитарные науки — ключевое звено Университета, место, в котором Университет реализует свою общественно-политическую миссию. Это не так, по крайней мере по двум веским причинам. Во-первых, я не верю, что естественные науки являются позитивистскими проектами по нейтральной аккумуляции знания, тем самым принципиально защищенными от социополитических бурь. Как я покажу, упадок национального государства — а я убежден, что, несмотря на оживление разных форм национализма, национальное государство приходит в упадок — и конец Холодной войны оказывают существенное влияние на финансирование и организацию естественных наук. Во-вторых, разрыв между гуманитарными и естественными науками не столь абсолютен, как можно заключить, глядя на дисциплинарные перегородки внутри самого Университета. Естественные науки занимают свое зачастую чрезвычайно могущественное положение в Университете по аналогии с гуманитарными науками. Это особенно ярко проявляется в отношении источников нарративов, в терминах которых осмысляется педагогика. Например, когда я попросил одного лауреата Нобелевской премии по физике сказать, какова, с его точки зрения, цель высшего физического образования, он ответил, что она заключается в приобщении студентов к «культуре физики»⁶. То, что

⁶ Разумеется, это отсылка прежде всего к идеям Ч.П. Сноу, с беспокойством отмечающего, что «интеллектуальный мир в западном обществе... все сильнее раскалывается на две полярные группы»: «интеллектуалов-литераторов» и «ученых» (*Snow C.P. The Two Cultures and a Second Look. Cambridge: Cambridge University Press, 1957. P. 3–4*). В ответ на это разделение Сноу обоснованно утверждает, что «культура науки — подлинная культура не только в интеллектуальном, но и в антропологическом смысле» (р. 9), и призывает к диалогу между двумя культурами, основанному на взаимном уважении.

он заимствует идею Ч.П. Сноу, кажется мне совершенно здравым и обоснованным шагом, если учесть, что спорный статус физического знания — тот факт, что студенты изучают вещи, которые позже, при проведении собственных исследований, будут им не нужны, — требует использования модели знания как разговора в сообществе, а не простой аккумуляции фактов. Институциональный факт существования естественных наук в Университете следует понимать именно в рамках модели институционализации знания, блюстителями которой исторически были гуманитарные науки, в особенности факультеты философии и национальной литературы. В этом смысле общая нить моей аргументации, состоящая в том, что понятие культуры как легитимирующей идеи Университета эпохи модерна исчерпало себя, может применяться как к естественным, так и гуманитарным наукам, хотя именно в гуманитарных угроза делигитимации культуры воспринимается наиболее остро⁷.

Будучи преподавателем гуманитарного факультета (который, впрочем, мало чем напоминает факультет, на котором меня «готовили»), я написал данную книгу в силу глубоко двойственного отношения к институту Университета. Эта книга — попытка нащупать собственный путь, избегающий тупиков воинственного радикализма и циничного отчаяния. Я по-прежнему склонен в дискуссиях с коллегами употреблять фразы, начинающиеся со слов «В *настоящем* Университете...», хотя они знают — и я знаю, что они знают, — что такого института никогда не существовало. Это не было бы проблемой, если бы подобные апелляции к истинной природе института не перестали казать-

⁷ Безусловно, внутри Университета существуют и другие дисциплинарные деления, помимо деления на гуманитарные и естественные науки. Ниже я попробую показать, каким образом гуманитарные науки сумели в свое время предложить Университету столь влиятельные парадигмы деятельности.

ся мне искренними: мы больше не способны постичь Университет в историческом горизонте его самореализации. Университет, как я покажу, больше не участвует в историческом проекте человечества, который нам достался в наследство от Просвещения, — историческом проекте культуры. Это заявление в свою очередь тоже поднимает некоторые важные вопросы: мы наблюдаем зарю нового века Университета как проекта или закат его критической и социальной функции? И если это закат, то что он означает?

Некоторые назвали бы момент, на который я указываю, постмодерностью Университета. В конце концов одной из наиболее обсуждаемых книг по постмодерности является «Состояние постмодерна» Жан-Франсуа Лиотара — исследование, посвященное вопросам, которые постмодерность ставит перед легитимацией знания. Книга Лиотара прямо называется отчетом об Университете, написанным для правительства Квебека, отчетом, который, безусловно, разочаровал его заказчиков, несмотря на дальнейший успех. Лиотар утверждает, что его отчет написан «в очень постсовременный момент, когда... университет рискует исчезнуть»⁸. Вопрос постмодерна — это вопрос, стоящий как *перед* Университетом, так и *внутри* него. Однако поскольку постмодерн в целом перестал быть вопросом и превратился в еще одно алиби, от имени которого интеллектуалы обвиняют мир в несоответствии их ожиданиям, я предпочитаю отказаться от данного термина. Опасность очевидна: очень легко соскользнуть к высказываниям об Университете постмодерна, как если бы это был некий осязаемый институт, даже более новый и более критичный, чем Университет эпохи модерна. Я бы предпочел называть современный Университет постисторическим, а не «постмодерным», чтобы подчеркнуть тот факт, что данный

⁸ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1998. С. 13.

институт пережил себя, что теперь это осколок эпохи, на протяжении которой он определял себя в перспективе проекта исторического развития, укрепления и распространения национальной культуры.

Думаю, теперь понятно, что говорить об Университете и государстве — значит также рассказывать историю возникновения понятия культуры. Я покажу, что известные нам Университет и государство являются, по сути, институтами эпохи модерна и изобретение концепта культуры следует считать специфической реакцией на напряженные взаимоотношения этих двух институтов модерности. Но прежде чем у кого-то сложится превратное мнение, я должен сказать, что не собираюсь нападать на Университет. Я работаю в Университете (иногда мне даже кажется, что я живу в нем). Просто критиковать Университет — слишком легкое занятие, в котором вряд ли есть что-то новое. В конце концов специфика Университета эпохи модерна, основанного немецкими идеалистами, состояла именно в том, что он служил местом критики. По словам Фихте, Университет существует не для того, чтобы передавать сведения, а чтобы прививать способность критического суждения⁹. В этом смысле можно сказать, что любые критические выпады против Университета эпохи модерна являются внутрисполитическими документами, не затрагивающими глубинную структуру институционализации мышления.

Кроме того, следует сразу отметить, что когда я говорю об Университете эпохи модерна, я имею в виду широко заимствованную немецкую модель, реализованную

⁹ *Fichte J.G. Plan déductif d'un établissement d'enseignement supérieur à fonder à Berlin (1807, опубли. в 1817) // Philosophies de L'Université: l'idéalisme allemand et la question de l'Université / Ed. L. Ferry, J.-P. Pestron, A. Renaut. P.: Payot, 1979. P. 172 (перевод мой. — Б.Р.). Немецкий оригинал («Deduzierter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt, die in gehöriger Verbindung mit einer Akademie der Wissenschaften stehe») доступен в: *Engel et al. Gelegentliche Gedanken über Universitäten / Ed. E. Müller. Leipzig: Reclam Verlag, 1990. P. 59–159.**

Гумбольдтом в Берлинском университете, модель, которая продолжала служить образцом в период послевоенной экспансии высшего образования на Западе. Мне кажется, сегодня мы наблюдаем закат данной модели в силу того, что Университет становится постисторическим. В этом контексте книга Аллана Блума «Конец мыслящей Америки» представляется мне более близкой к реальности, чем либеральная панацея Ярослава Пеликана, который в своей «Идее университета» призывает вернуться к утраченной миссии либерального образования¹⁰. За консервативной иеремиадой Блума по крайней мере стоит признание того, что автономия знания как самоцели находится под угрозой, поскольку больше не существует субъекта, способного воплотить данный принцип. Поэтому Блум постоянно высмеивает многие стороны университетской жизни, считая их непонятными и ненужными студенту (читай: молодому-белому-студенту-американцу-мужского-пола). Пеликан же, со своей стороны, предваряет книгу игрой слов, отсылающей к Ньюмену: он говорит, что «Идею университета» можно было бы вполне переименовать в «*Apologia pro vita sua*»¹¹. Эта игра слов вызывает у меня серьезные подозрения, поскольку я склонен согласиться с выводом Блума о том,

¹⁰ *Pelican J. The Idea of University: A Reexamination. New Haven: Yale University Press, 1992.* В книге утверждается, что Ньюмен был в основном прав и университетам нужно лишь немного подновить его идеи в соответствии с текущей ситуацией. В целом Пеликан убежден, что «укрепление единства человеческого рода является для университета и его ученых одновременно идеалом и фактом: фактом, без которого, как некоего предельного контекста, исследование того или иного конкретного и точечного феномена будет неизбежно искаженным, а также идеалом, который нельзя воплотить без исследования того или иного конкретного и точечного феномена» (р. 53). Разорвать данный герменевтический круг в рамках указанного единства должна, предположительно, религиозная вера. Нельзя не добавить, однако, что она мало что сделала для защиты жертв этноцентризма.

¹¹ «*Apologia pro vita sua*» (лат.) — «Апология моей жизни» — автобиографическое сочинение Джона Генри Ньюмена, опубликованное в 1864 г. — *Примеч. перев.*

что в истории, которую он называет «приключением либерального образования», больше нет главного героя¹² — ни героя-студента, с которого начинается действие, ни героя-профессора, которым все заканчивается.

Некоторое представление о том, как так получилось, дает книга Жака Барзуна «Американский университет: чем он живет и куда движется»¹³. Данная работа, опубликованная в 1968 г., была недавно переиздана издательством Чикагского университета — замечательный поворот судьбы для текста, который претендует на современность в 1990-е гг., хотя был заведомо устаревшим в момент своей первой публикации. В датированном мае 1968 г. послесловии к предисловию (довольно ироничное местоположение¹⁴) от января того же года Барзун отмечает, что он «не видит причин менять или дополнять содержание» текста, законченного за шесть недель до студенческих «беспорядков, парализовавших работу Колумбийского университета 23 апреля [1968 г.]» (р. xxxvi). Подобная безмятежность могла бы показаться странной для сочинения, в центре внимания которого находится вопрос о том, как действовать управленцу. Но она оказывается менее парадоксальной, когда мы осознаём, что выстраиваемый Барзуном нарратив — это нарратив воспитания просвещенного и либерального чиновника как нового героя рассказа об Университете. Например, Барзун открыто предлагает сформировать в Университете ав-

¹² Bloom A. *The Closing of the American Mind*. N. Y.: Simon and Schuster, 1987. P. 336.

¹³ Barzun J. *The American University: How It Runs, Where It Is Going*. 2nd ed. With an Introduction by H.I. London. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1993; впервые опубликовано в 1968 г. Далее при ссылках на текст будет приводиться только номер страницы; таким же образом я буду поступать и при обсуждении остальных работ.

¹⁴ О данной структуре см.: Elam D. *Romancing the Postmodern*. L.; N. Y.: Routledge, 1992. Автор убедительно демонстрирует проблематичный статус как послесловия, так и предисловия, а также тенденцию к их путанице, выступающую симптомом общей проблемы текстуальности.

тономную страту неакадемических администраторов, «второй слой»: «Приступив к работе в юном возрасте, эти мужи [*sic*] могут стать государственными служащими высшего ранга и снискать признание в качестве профессионалов, не занимаясь наукой; они могут обладать собственным авторитетом и в полной мере наслаждаться теми благами университетской жизни, которые ей, по общему убеждению, сопутствуют; к тому же они могут лучше всяких других посредников, человеческих или электронных, налаживать эффективное функционирование всей этой огромной машины» (р. 19). Центральная фигура Университета — больше не профессор, исполняющий одновременно роль ученого и преподавателя, а ректор, перед которым должны отчитываться и аппаратчики, и профессора. Разница между Барзуном и Ньюменом в том, что Барзун понял, в каком типе либерального индивида должен воплощаться новый Университет. Конечно, чиновник в свое время сам был студентом и профессором, но вызов современного Университета — это вызов, стоящий перед ним как перед *администратором*.

Таковы истоки идеи совершенства, которую я обсуждаю в следующей главе. Впрочем, нужно отметить, что Барзун не испытывает необходимости обращаться к понятию совершенства и готов признать, что совершенство — лишь «призрак» (р. 222), в то время как спустя 25 лет Герберт А. Лондон в своем введении к новому изданию текста Барзуна с горечью констатирует, что «совершенство» теперь не столь *реально*, как во времена Барзуна (р. 222, *ref.*), поскольку произошел «фактический отказ от широко распропагандированной цели [достижения] совершенства» (р. xxviii). Поэтому мы можем сказать, что Барзун — это своего рода Иоанн Предтеча совершенства, подготавливающий путь новому закону («совершенству») на языке старого («стандартов»), тогда как Лондон — это св. Павел, говорящий нам, что новый закон будет эффективен, только если соблюдать его столь же неукоснительно, как и старый. Со времен Христа дела пошли заметно

быстрее: время исполнения мессианского пророчества сократилось теперь с 35 до 25 лет¹⁵.

Если сравнивать Барзуна с нашими современниками, обращающимися к нему, то я бы прежде всего обратил внимание на тон, отличающий книгу Барзуна (и Пеликана) от обличений Аллана Блума или даже Герберта Лондона, вновь представляющего работу Барзуна в 1993 г. В глаза бросается исчезновение сладкозвучной помпезности, свидетельствующей о полнейшем самодовольстве. Ее место занимают ядовитые жалобы. Особенно ярко это проявляется в вопросе сексизма. В своем тексте Барзун постоянно обозначает профессоров метонимом¹⁶ «мужи». Приведу в пример описание Барзуном незавидной участи молодого аспиранта: «После сдачи устных экзаменов нужно писать диссертацию, при этом не важно, как и о чем, главное — побыстрее. Многие темы — как назло! — требуют поездки в Европу или другие зарубежные страны. Фулбрайт, дети, работающая (или тоже учащаяся в аспирантуре) жена, внеурочное корпение в библиотеке, чтение на неродном языке — настоящий кошмар» (р. 228). Если Барзун с некоторым колебанием признает, что женщины способны успешно выполнять в Университете секретарскую работу и, может быть, даже проводить аспирантские исследования, готовясь таким образом к воспитанию детей своих спутников-мужчин, то Блум и Лондон полагают, что неистовые гарпии ставят их Университет на грань развала¹⁷. Там,

¹⁵ Имеется в виду пророчество Иисуса Христа, который (вслед за пророком Даниилом) предрек падение Иерусалима через 35 лет после своей смерти. — *Примеч. перев.*

¹⁶ Метоним — слово, замещающее другое слово и обозначающее предмет или явление, связанное с предметом или явлением, обозначаемым замещаемым словом. — *Примеч. перев.*

¹⁷ «Бесперебойное функционирование факультета лучше всего обеспечивает административный помощник, обычно женщина» (р. 103). Напомню, что в тексте деканы-чиновники обычно называются мужами, и не стоит забывать, что родовая форма «муж» (man) не столь инклюзивна, как обычно заявляют противники феминизма.

где Барзун видит легкомыслие, называя его «блажью», Лондон видит «осквернение» (р. xxviii). Хотя книги об Университете, авторы которых (мужского пола) отличаются безграничным самомнением, пишутся до сих пор (пример тому Пеликан), налицо значительные подвижки. Причина не в том, что мы живем в более беспокойное время; в конце концов Барзун заявляет, что его не волнуют события 1968 г. Проблема, мучающая как Блума, так и Лондона, состоит скорее в том, что никто из нас не может всерьез представить себя героем повести об Университете, примером образованного индивида, над производством которого день и ночь трудится вся эта гигантская машина.

Мое нежелание прибегать к тому самодовольному тону, который, похоже, был по нраву многим моим предшественникам, продиктовано не личной скромностью. Ведь я не стал дожидаться завершения своей карьеры, чтобы написать книгу об Университете. Что действительно важно — и что определяет тон нынешних диатриб — это то, что великий нарратив Университета, вращающийся вокруг производства либерального, рассудочного субъекта, больше нам не доступен. Поэтому мне не имеет смысла ждать. Я не собираюсь становиться Жаком Барзуном; университетская система больше не нуждается в подобного рода субъектах. Либеральный *индивид* уже не способен метонимически воплотить данный *институт*. Никто из нас сегодня не считает себя всерьез субъектом, занимающим центральное положение в нарративе университетского образования. Показательными случаями здесь выступают феминизм, ведущий к радикальному осознанию гендерных различий, и формы анализа, привлекающие внимание к тому, каким образом раса дифференцированно отпечатывается на телах. Старая гвардия борется с феминизмом и подобными разновидностями анализа, поскольку они напоминают ей о том, что индивидуальный профессор не способен олицетворять Университет, так как любое конкретное

тело все равно будет не универсальным, а отмеченным гендером и расой.

Однако в сложившейся ситуации я *не* призываю отказаться от Университета и не предлагаю вместо этого погрузиться в циничное отчаяние. В настоящей книге я буду обсуждать, каким образом мы можем заново осмыслить Университет в ситуации, когда история либерального образования утратила свой организующий стержень, т.е. идею культуры, выступавшую предметом, истоком и целью гуманитарных наук. Я ощущаю эту утрату еще глубже оттого, что Университет, в котором я работаю, занимает сегодня особое положение. Это положение может показаться анахроничным тем, кто не понимает, что Квебек, как и Северная Ирландия, представляет собой особый регион на территории группы индустриализированных стран «большой семерки», регион, в котором национальная государственность по-прежнему является животрепещущим политическим вопросом, а не остаточным придатком все более интегрирующейся глобальной экономики. Университет Монреаля — это флагман квебекской культуры, который лишь недавно заменил церковь в качестве первичного института, отвечающего за франкофонную культуру в Северной Америке. Работа во флагманском Университете национального государства (в особенности только становящегося) дает огромное преимущество, поскольку нашей преподавательской и исследовательской деятельности лишь предстоит полное поглощение игрой рыночных сил; пока еще ту и другую не нужно оправдывать исходя из оптимальной эффективности или прибыльности капиталовложений.

Я чувствую это столь остро еще и потому, что мне довелось работать в Сиракузском университете, который заявляет о своей полной ориентации на рынок, получившей у администрации название «стремление к совершенству». Тогдашний ректор Мэлвин Эггерс неоднократно описывал Сиракузы как агрессивный ин-

ститут, строящийся по модели корпорации, а не прячущийся за стенами из слоновой кости. Любопытно, что во время моей работы в Сиракузах символ Университета подвергся изменению. Вместо академического герба с латинским девизом, который печатался на университетских бланках и других документах, был разработан новый «корпоративный» логотип, а герб начал использоваться исключительно в официальных академических документах, например в дипломах. Мне это кажется прямым симптомом переопределения концепции Университета и превращения его в корпорацию, одной из функций (продуктов?) которой является присуждение степеней, носящих культурный отпечаток, но, по существу, являющихся не культурными, а корпоративными.

Однако анализировать Университет исключительно в терминах культурного капитала — значит упускать из виду тот момент, что сегодня это лишь одна из областей деятельности. Риторический отказ Сиракуз от символического капитала в пользу «балансового» учета (который определяет процесс принятия решений администрацией, а также корпоративный исполнительский этос, исповедуемый деканами) привел (что не удивительно) к тому, что процент бывших выпускников, жертвующих на нужды Университета, стал значительно ниже, чем в аналогичных вузах, поскольку все аспекты жизни студентов заставляли их относиться к себе как к потребителям, а не членам сообщества. Например, в 1990 г. «официальная» майка выпускника продавалась студентам со значительной наценкой, и многие, с кем я разговаривал, видели в этом попытку вытянуть из них дополнительные деньги по окончании обучения. Студентов на каждом углу призывали покупать знаки символической принадлежности (поэтому в университетских книжных киосках значительное место было отведено для стеллажей с вещами, увенчанными университетским логотипом, как в Диснейленде). Такая овеществленная принадлежность к

Университету несет малую идеологическую нагрузку и не требует дополнительного подтверждения путем ответного дарения (точно так же, как потребитель, купивший машину, не испытывает потребность в дальнейшем делать периодические пожертвования «Дженерал Моторс» в дополнение к суммам, отчисляемым на погашение ссуды). То, что некоторые студенты все же делают подобные пожертвования, — любопытный симптом атавистического желания верить в то, что они учились не в Университете Совершенства, а в Университете Культуры. Безусловно, эта вера могла бы найти поддержку в той машинерии индивидов, групп и практик, которая еще сохраняется в некоторых отдаленных уголках и поддерживает прежние формы организации.

То, что студенты нередко воспринимают себя и (или) своих родителей потребителями, — далеко не заблуждение, поскольку современный Университет все больше превращается из идеологического орудия государства в бюрократически организованную и относительно автономную потребительски ориентированную корпорацию. Симптомы этого процесса обнаруживаются даже в университетах, финансируемых по большей части национальным государством. Например, Жаклин Скотт, президент Университетского колледжа Кейп-Бретона в Новой Шотландии, недавно назвала университетское образование «единой индустрией»¹⁸. Она предложила новую примечательную редакцию гумбольдтовской связки преподавания и исследования. Если Гумбольдт описывал Университет как единство процесса и продукта, как институт, производящий знания о культуре (в ходе исследования) и распространяющий культуру посредством обучения

¹⁸ Из выступления Жаклин Скотт на панельной дискуссии канадских женщин-ректоров в передаче «Morningside» по радио CBC 10 марта 1994 г. Хочу выразить благодарность Университету Трента за предоставленный радиоприемник, позволивший мне прослушать данную передачу.

(в ходе преподавания), то Скотт в своей интерпретации значительно модифицировала эти двусторонние отношения. Она полагает, что Университет, выступающий местом «развития человеческих ресурсов», производит труд (посредством исследования) и обучает труду (в процессе преподавания). Она с восхитительной легкостью берет на вооружение гумбольдтовскую структурную связку преподавания и исследования и переносит ее в новое поле: в область развития нужных рынку «человеческих ресурсов», а не «национальной культуры».

В подобной стратегии нет ничего удивительного, поскольку именно корпоративная бюрократизация лежит в основе сильной гомогенизации Университета как института в Северной Америке. Декларации университетов о своих миссиях, как и их рекламные проспекты, демонстрируют сегодня две общие черты. Все они, с одной стороны, заявляют об уникальности соответствующего образовательного института, а с другой — описывают эту уникальность одним и тем же образом. Отличительным признаком происходящей трансформации являются апелляции к понятию совершенства, повторяемые университетскими чиновниками через слово. Чтобы понять современный Университет, мы должны спросить, что означает (или не означает) совершенство.

В этом плане основной аргумент настоящей книги на первый взгляд достаточно прост. В ней утверждается, что, поскольку национальное государство больше не является первичной инстанцией воспроизводства глобальных капиталов, культура — как символический и политический эквивалент проекта интеграции, реализуемого национальным государством, — утрачивает свою ценность. Национальное государство и понятие культуры эпохи модерна возникли в одно и то же время, и теперь они, на мой взгляд, перестают играть ключевую роль во все более транснациональной глобальной экономике. Такой сдвиг оказывает прямое влияние

на Университет, который исторически был главным институтом национальной культуры в национальном государстве модерна. Я попытаюсь оценить это влияние и выявить его симптомы, наиболее заметный из которых — замещение прежних апелляций к идее культуры дискурсом «совершенства», выступающим тем языком, с помощью которого Университет пытается объяснить себя самому себе и миру в целом. Еще один симптом — ведущиеся сегодня жаркие споры о статусе Университета, споры, которые по большому счету бесполезны, поскольку не обеспечивают осмысление Университета в транснациональной перспективе, вместо этого скатываясь либо к ностальгии, либо к обличениям, а чаще всего — к тому и другому сразу.

Я начну с того, что попытаюсь осмыслить Университет иным образом, сосредоточив внимание на обстоятельствах, из-за которых университетские чиновники, представители власти и даже радикальные критики сегодня все больше говорят об Университете на языке «совершенства», а не на языке «культуры». В главе II делается попытка вычленить и диагностировать причины проникновения термина «совершенство» в документы, определяющие политику в сфере высшего образования. Мой аргумент таков: усиливающееся стремление к совершенству указывает на изменение функции Университета. Университет больше не должен охранять и распространять национальную культуру, поскольку национальное государство отныне не является основным местом воспроизводства капитала. Поэтому идея национальной культуры больше не функционирует в качестве внешнего референта, на который ориентируются все практики исследования и преподавания. Идея национальной культуры больше не придает происходящему в Университете всеохватывающий идеологический смысл, вследствие чего вопрос о том, что именно преподается или производится в качестве знания, становится все менее значимым.

В главе II я отслеживаю этот процесс и подчеркиваю, что называть его идеологией совершенства было бы анахронизмом, так как совершенство абсолютно не-идеологично. Предмет преподавания или исследования значит меньше, чем совершенство преподавания или исследования. Называя нечто — например, курс совершенства — неидеологичным, я не утверждаю, что это нечто не имеет политической привязки; я лишь говорю, что характер данной привязки определяется не идеологическими причинами. Совершенство напоминает денежные отношения, так как у него нет *содержания*, и поэтому оно не может быть ложным или истинным, безотчетным или сознательным. Оно может быть несправедливым, но мы не должны понимать его несправедливость исходя из режима истины или самопознания. Его господство не предполагает автоматическую политическую или культурную ориентацию, поскольку оно не детерминировано какой-либо идентифицируемой инстанцией политической власти¹⁹. Это одна из причин того, почему успешная

¹⁹ Здесь и на протяжении всей книги я употребляю термин «идеология» в совершенно конкретном смысле. Некоторые из тех, кого я знакомил с предыдущими вариантами данного текста, предлагали мне использовать для обозначения курса совершенства термин «идеология», поскольку, говорили они, «всё есть идеология». Если бы всё было идеологией, тогда идеология как таковая была бы непознаваема. Чтобы использовать термин «идеология» для критики, мы должны допустить существование чего-то за пределами идеологии, будь это «объективная истина» по Лукачу или «критическое самосознание» по Альтюссеру. При этом предполагается, что по достижении точки зрения объективной истины или самосознания противостоящий нам дискурс становится внутренне противоречивым и потому бессильным, хотя это не объясняет, почему рабочие продолжают голосовать против того, что, по мнению интеллектуалов, соответствует их интересам.

Важный вклад работ Луи Альтюссера, посвященных идеологии, заключался в подчеркивании ее связи с государственным аппаратом и одновременном отказе от упрощенной идеи «фальсификации». Чтобы сохранить полезность дан-

левая критика (которой я лично симпатизирую) прекрасно уживается с институциональным протоколом, будь то в стенах учебной аудитории или в пределах личной карьеры²⁰. Дело не в том, что радикальные

ного термина для критики, Альтюссер четко различает идеологию и критическую науку. Хотя идеология безгранична, хотя не существует чистого и простого позитивизма, есть кое-что за пределами идеологии, то, что открывается, по мнению Альтюссера, в момент, когда вследствие «эпистемологического разрыва» критическая наука обретает самосознание, становится идеологией, знающей о своей идеологичности. Подобное самосознание, считает он, возможно лишь в марксизме, который способен познать себя как идеологию пролетариата, т.е. исторического процесса. Позитивное знание возможно лишь в горизонте совершенной революции, направление которой дореволюционный мыслитель не способен даже вообразить. Тем не менее дореволюционные мыслители могут подняться над дореволюционной структурой, в которой они находятся, за счет практики критического мышления и обнаружения противоречий, присущих их системе мышления, — что и проделал Маркс в отношении всего того, что он представлял собой как мыслитель XIX в. Таким образом, даже если «часы истории никогда не пробьют времени „конечного счета“» (*Альтюссер Л. Противоречие и сверхдетерминация // За Маркса / Пер. А.В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. С. 164*), потенциально он доступен как результат дедуктивного вывода его неизбежности критической наукой (*Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses // Lenin and Philosophy and Other Essays / Transl. V. Brewster. L.: New Left Books, 1971*).

²⁰ Например, в книге «Против литературы» (*Beverly J. Against Literature. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993*) Джон Беверли, говоря о «превращении культурных исследований из разновидности радикальной оппозиции в авангард буржуазной гегемонии» (р. 20), отмечает: «Я убежден: за культурные исследования (и с их помощью) еще стоит побороться, но, закрепившись в современном университете, культурные исследования начали терять радикализирующую силу, которой они обладали в момент своего дисциплинарного рождения» (р. 21). Хотя я и согласен с тем, каким образом Беверли описывает институциональное «одомашнивание» культурных исследований, я совсем не уверен, что данная участь постигла их вследствие индивидуальных слабостей или внешнего давления.

критики «продажны» или их критика «недостаточно радикальна» и потому не наносит институту серьезно-го вреда. Проблема скорее в том, что ставки университетской деятельности больше неидеологичны по своей сути, так как теперь они не связаны с самовоспроизводством национального государства.

Если в главе II дискурс совершенства диагностируется, то в главе III делается попытка описать его на языке процесса глобализации, частью которого он является. В этой главе я показываю, что дискурс совершенства приобретает ценность именно потому, что в эру глобализации связь между Университетом и национальным государством распадается. Университет превращается из идеологического аппарата национального государства в относительно независимую бюрократическую систему. Экономика глобализации предполагает, что от Университета теперь не требуется готовить граждан-субъектов, в то время как политика конца Холодной войны означает, что Университету больше не нужно поддерживать национальный престиж, создавая и легитимируя национальную культуру. Таким образом, Университет аналогичен ряду других институтов — например, национальным авиаперевозчикам, — которые сталкиваются с перспективой массового сокращения финансирования со стороны все более слабых государств, уже не являющихся привилегированными местами инвестирования общественной воли.

Чтобы оценить значение этих преобразований, я посвятил середину книги историческому исследованию роли, на которую претендовал Университет эпохи модерна. Историю предыдущих способов осмысления функции Университета можно в общих чертах описать следующим образом: существовало три идеи Университета эпохи модерна, а именно кантовская концепция разума, гумбольдтовская идея культуры и сегодняшнее технобюрократическое понятие совершенства. Но предлагаемый мной исторический нарратив (разум — культура — совершенство) — не просто

последовательность. Современным формулировкам предшествовали более ранние упоминания о совершенстве, равно как и сегодня можно встретить ссылки на разум и культуру. На протяжении всей книги я подчеркиваю, что в спорах об Университете участвуют разнонаправленные и разновременные дискурсы, даже если в определенные периоды один из них доминирует над остальными.

Сначала в главе IV я покажу, как Кант определял своеобразие Университета эпохи модерна. Университет становится современным, когда все формы его деятельности организуются в соответствии с единой регулирующей идеей, которой, по мнению Канта, должно выступать понятие разума. С одной стороны, разум предоставляет *ratio*²¹ для всех дисциплин; это их организующий принцип. С другой стороны, разум имеет собственный факультет, который Кант называет философским, но сегодня мы скорее назвали бы его просто факультетом гуманитарных наук. Размышляя об Университете, Кант также впервые затрагивает проблему возможности соединения разума и государства, знания и власти. Как я покажу, принципиально важно, что для этого он вводит фигуру субъекта, способного рационально мыслить и осуществлять республиканскую политику.

Становление Университета эпохи модерна рассматривается далее в главе V, где обсуждаются немецкие идеалисты — начиная с Шиллера и заканчивая Гумбольдтом. Они отводят заданной Кантом структуре гораздо более четкую политическую роль, для чего замещают понятие разума понятием культуры. Как и разум, культура исполняет в Университете *унифицирующую* функцию. Для немецких идеалистов культура — это сумма всех приобретаемых знаний, а также культивирование и развитие характера в результате такого приобретения. В этом контексте решающее значение для центрации Университета вокруг идеи

²¹ Принцип, основание (*лат.*). — *Примеч. перев.*

культуры, связывающей Университет с национальным государством, имеет гумбольдтовский проект учреждения Берлинского университета. То, что это произошло именно в Германии, связано, безусловно, с рождением немецкой государственности. Под рубрикой культуры Университету приписывается двойная задача: исследование и преподавание, т.е. соответственно формирование и расширение национального самознания. По существу, он становится институтом, на который возлагается задача присмотра за духовной жизнью народа рационального государства, а также примирения этнической традиции и государственной рациональности. Университет, другими словами, идентифицируется как институт, который должен подвести основание под совместную жизнь людей, сохранив их традиции и не повторив кровавый, разрушительный путь Французской революции. Такова, на мой взгляд, ключевая роль, приписываемая Университету эпохи модерна вплоть до сегодняшнего дня.

В главе VI рассматривается разработанный британцами и американцами специфически *литературный* вариант понятия культуры, сформулированного немецкими идеалистами. В конце XIX и начале XX вв. англичане, в частности Ньюмен и Арнольд, развили идеи Гумбольдта и Шлегеля, сделав центральной дисциплиной Университета и тем самым национальной культуры не философию, а литературоведение. Обсуждая Арнольда, Ливиса и «новых критиков», я прослеживаю имплицитную связь между институционализацией литературоведения в качестве университетской дисциплины, прямо описываемой в категориях национальной традиции, и органическим взглядом на возможность унифицированной национальной культуры. Овладение традицией национальной литературы становится доминирующим способом обучения студентов тому, что значит быть французом, англичанином или немцем. В Соединенных Штатах этот процесс осуществляется под рубрикой овладения

канон, а не традицией — в показательно республиканской манере. Канон столь важен в США потому, что его утверждение считается результатом республиканского волеизъявления. Автономный *выбор* канона в противоположность подчинению слепому авторитету традиции аналогичен избранию правительства в противоположность подчинению наследственной монархии. Именно роль литературоведения в формировании национальных субъектов объясняет то огромное институциональное влияние, которое приобрели факультеты литературы, в особенности благодаря своему традиционному контролю над общеуниверситетским курсом «сочинительства» (composition), который входит в обязательную программу многих американских университетов. Нынешнее распространение сепаратистского движения, призывающего выделить «сочинительство» в самостоятельную дисциплину, является симптомом распада связи между изучением национальной литературы и формированием национальных граждан-субъектов. Грамотность больше не определяется эксплицитной отсылкой к национальной культуре.

В главе VII историческая перспектива предыдущих глав используется для анализа дисциплинарного становления культурных исследований и американских «культурных войн», который должен прояснить, что представляет собой культура, из-за которой мы столь часто ломаем копыя. Немецкие идеалисты считали, что опека культуры — функция философии, хотя в XIX и XX столетиях эта роль начала все больше переходить к факультетам национальной литературы. Сегодня мы наблюдаем упадок исследований национальной литературы и широкое распространение «культурных исследований» в качестве наиболее сильной дисциплинарной модели гуманитарных наук в англо-американском Университете. В этом контексте радикальные притязания культурных исследований обнаруживают неожиданно глубокую преемственность с испугительным

посылком литературной модели культуры, сколь бы они ни противостояли ее институциональным формам. Я полагаю, что институциональный успех культурных исследований в 1990-х гг. обусловлен тем, что они сохраняют структуру литературоведческой аргументации, одновременно признавая, что литература больше не работает, так сказать, выплескивают младенца, оставляя воду. Культурные исследования не делают из культуры регулятивный идеал исследования и преподавания, они пытаются сохранить структуру доводов в пользу искупления с помощью культуры, одновременно признавая неспособность культуры служить такого рода идеям. Говоря предельно жестко (эти слова относятся лишь к попытке сделать культурные исследования господствующим институциональным проектом, а не к конкретным работам в области культурных исследований), культурные исследования придерживаются представления о культуре, соответствующего веку совершенства.

Как и совершенство, культура больше не имеет специфического содержания. При определенных условиях все может стать или становится культурой. Таким образом, выход культурных исследований на сцену сопровождается своеобразным опустошением. Плодовитость и многочисленность авторов, работающих в области культурных исследований, обусловлены тем, что культура больше не служит специфическим референтом какой-либо одной вещи или группы вещей — вот почему культурные исследования могут быть столь популярны, не имея при этом единого теоретического определения. В основании культурных исследований — в той их форме, которая реализовалась в виде институционального проекта в 1990-е гг., — лежит ощущение того, что производство *знания* больше невозможно, поскольку о культуре нельзя сказать ничего, что само не было бы культурой, и наоборот. Все определяется культурой, и поэтому культура как *таковая* перестает что-либо значить.

Я буду называть этот процесс также дереференциализацией. Этим я хочу подчеркнуть, что ключевой особенностью таких терминов, как «культура» и «совершенство» (и порой даже «Университет»), является отсутствие у них специфических референтов; они больше не отсылают к какому-либо ряду явлений или идей. Однако, прибегая к термину «дереференциализация», я не хочу просто ввести в наш словарь еще один громоздкий жаргонизм; скорее я стремлюсь дать имя тому, что, как я покажу, представляет собой кардинальное изменение способа мышления, имеющее драматические последствия для Университета. Если использовать указанные термины, то мы можем сказать, что появление культурных исследований становится возможным, только когда культура дереференциализируется и перестает быть принципом обучения в Университете. В век культурных исследований культура оказывается лишь одним из множества объектов, с которыми имеет дело система. Данный полемический аргумент не принижает историю работы, осуществленной в области культурных исследований, скорее он служит критике попыток — сколь бы благонамеренными они ни были — превратить культурные исследования в дисциплину, которая спасет Университет, вернув ему его утраченную истину.

В главе VIII делается попытка осмыслить Университет «после» культуры и намечается проблематика заключительной части книги, для чего очерчиваются общие рамки постановки институционального вопроса об Университете в век совершенства, после того как исторический проект культуры зашел в тупик. Я хочу предложить язык институционального прагматизма, позволяющий говорить о тактическом использовании пространства Университета и одновременно признавать это пространство историческим анахронизмом. Для достижения данной цели я обсуждаю некоторые споры, ведущиеся сегодня вокруг Университета, а также общие термины, с помощью которых можно

апеллировать к деятельности мышления. В центре внимания при этом находится вопрос о способе оценки Университета, который требует философского различения понятий *отчетности* и *учета*. Я считаю, что Университет должен обязательно отвечать на требование отчетности, но при этом отказываться обсуждать характер своей ответственности исключительно на языке учета (платежной единицей которого выступает совершенство). Ставить проблему ценности именно как *вопрос* — значит отказываться автоматически отожествлять глобализацию и капитализм. Я хочу показать, что бухгалтеры — не единственные, кто способен постичь горизонт современного общества, и даже не самые сведущие в этом вопросе люди.

В главе IX обсуждается, каким образом вопросы ценности, поднимаемые мной — и столь беспокоящие сегодня Университет, — выходят на первый план в результате волны студенческих протестов конца 1960-х, синекдохой²² которых выступает «1968 год». Эти волнения инспирируют подозрительное отношение к Университету как институту, принципиальное неверие в него, оказывающееся полезным, когда мы пытаемся представить себе, каким образом можно было бы находиться в Университете, не веря в его реальную или идеальную форму. Наиболее интересной особенностью документов студенческой революции, принадлежащих перу Кон-Бендита и др., является, на мой взгляд, примечательное *отсутствие* в них идеализма, тенденция к отрицанию категорий, с помощью которых их впоследствии трактовали. Размышляя о 1968 г., я ввожу понятия, благодаря которым мы можем осмыслить Университет в отсутствие публичной сферы и за пределами общества, состоящего из индивидов-потребителей.

То, каким образом можно понимать современную ситуацию в Университете, не прибегая ни к носталь-

²² Синекдоха — троп, состоящий в назывании целого через его часть или наоборот. — *Примеч. перев.*

гии по национальной культуре, ни к дискурсу потребительства, составляет предмет трех заключительных глав, в которых рассматриваются соответственно вопросы педагогики, институтов и сообщества. Глава X посвящена обсуждению прагматической сцены преподавания. В ней подчеркивается, что педагогику нельзя рассматривать в отрыве от институционального контекста образования. Значительная часть нынешней шумихи вокруг практики преподавания связана с простым противоречием между временем, которое занимает преподавание, и административной логикой, отдающей приоритет эффективной передаче информации. Я полагаю, что целью педагогики должно быть не производство автономных субъектов, якобы становящихся свободными благодаря полученной информации (как утверждает нарратив Просвещения); скорее сцена преподавания, освобожденная от претензии на соединение авторитета и автономии, должна анализироваться как сеть обязательств. Демонстрируя, что преподавание — это вопрос справедливости, а не поиска истины, я в главе X пытаюсь указать на то, что по-прежнему остается проблематичным в деле совместного мышления. Трансгрессивная сила преподавания определяется не столько содержанием, сколько способностью педагогики сохранять открытой темпоральность вопрошания, сопротивляясь попыткам приравнять педагогику к процессу передачи, который может завершаться либо выставлением баллов, либо присуждением степени.

В главах XI и XII исследуются категории, позволяющие понимать Университет как пространство структурно незавершенной практики мышления. Прежде всего, на мой взгляд, нужно согласиться с тем, что Университет не следует рассматривать в качестве естественного или исторически неизбежного хранилища подобных форм деятельности; мы должны признать, что Университет — это институт, находящийся *в руинах*, институт, утративший свой исторический *raison*

d'être. В то же время Университет в своем современном виде не избежал парадоксального увлечения эпохи модерна идеей руин, вследствие чего нужно самым тщательным образом отделить статус руин от метафизической традиции, стремящейся вновь придать руинам целостность (практически или эстетически).

Институциональный прагматизм, которым я призываю заменить как просвещенческую веру, так и романтическую ностальгию, ведет к предпринимаемому в главе XII анализу возможных способов переосмысления характерной для эпохи модерна претензии на то, что Университет представляет собой модель рационального сообщества, микрокосм чистой формы публичной сферы. Претензия на существование в Университете идеального сообщества все еще весьма влиятельна, несмотря на свою вопиющую нереалистичность, очевидную всякому, кому довелось засесть хоть в одном факультетском комитете. Я полагаю, мы должны признать, что утрата Университетом культурной функции открывает пространство, в котором понятие сообщества можно осознать иным образом, без обращения к идеям единства, консенсуса и коммуникации. При этом Университет перестает быть моделью идеального общества и становится местом, позволяющим представить возможность существования таких моделей — мыслить практически, а не в идеальных условиях. Университет теряет свой привилегированный статус модели общества и не возвращает его, не становится моделью отсутствия моделей. Скорее Университет оказывается одним из мест, в которых ставится вопрос *бытия-вместе*, ставится с настоятельностью, обусловленной отсутствием институциональных форм (таких как национальное государство), исторически способствовавших замалчиванию данного вопроса на протяжении приблизительно трех последних столетий.

Научное издание
Серия «Теория и практика образования»

РИДИНГС БИЛЛ
УНИВЕРСИТЕТ В РУИНАХ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор
ТАТЬЯНА БЕЛЯЕВА
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Верстка
ОЛЬГА ИВАНОВА
Корректор
ТАТЬЯНА БЕЛЯЕВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 02.12.2009. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 14,2
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1069. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП
«Типография “Наука”»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-7598-0716-2

9 785759 807162